

Но, не получив официального одобрения, далее составления черновых вариантов дело не пошло [8, с. 9]. 21 апреля 1941 г. Совнарком СССР вынес постановление «О мероприятиях по улучшению местной противовоздушной обороны г. Москвы», в соответствии с которым была создана специальная комиссия по эвакуации из Москвы населения в военное время. Учитывая, что столица страны оказалась в сфере досягаемости дальних бомбардировщиков, комиссия предложила с началом войны вывезти из города 1 млн 40 тыс. москвичей. Но 5 июня 1941 г. И.В. Сталин «попросил» комиссию ликвидировать, а разговоры об эвакуации прекратить [8, с. 9].

Таким образом, на рубеже 1930–40-х гг. проблема эвакуации утратила в глазах руководства СССР былую актуальность. Полагаем, это связано с изменениями в советской военной доктрине, вызванными резким ростом мощи Красной Армии в результате индустриализации страны. В среде высшего командного состава стала утверждаться установка на перенос боевых действий на территорию противника уже в начале войны [9, с. 206; 10, с. 78]. По мнению российского исследователя М.И. Мельтюхова, «наступательные операции Красной Армии и должны были стать содержанием начального периода войны» и «никаких оборонительных операций советский Генштаб и не планировал» [11, с. 303]. И.В. Тимохович отмечает, что соединения и части Западного Особого военного округа накануне войны «не были готовы к ведению жёсткой позиционной обороны. По своему расположению, оперативному построению они в большей степени были нацелены на ведение наступления, нежели обороны» [7, с. 16]. В соответствующем духе велась и пропагандистская работа среди советских военнослужащих. М.И. Мельтюхов цитирует главный орган Наркомата обороны газету «Красная звезда» от 17 ноября 1938 г.: «Наша оборона – это наступление. Красная Армия ни единого часа не останется на рубежах, она не станет топтаться на месте, а стальной лавиной ринется на территорию поджигателей войны» [11, с. 341]. В такой ситуации маловероятно, чтобы разработка нового эвакуационного плана была признана необходимостью. Недаром советский историк Ш.М. Мунчаев охарактеризовал возникшую в начале войны проблему эвакуации как «сложнейшую непредвиденную задачу» [12, с. 133]. Показательно также, что в приграничных советских республиках была свернута подготовка кадров и баз для партизанской войны [7, с. 74]. Утверждённый же в 1937 г. эвакуационный план к лету 1941 г. уже не соответствовал реалиям. Во-первых, в состав СССР вошли новые значительные территории на западе – Литва, Латвия, Эстония, Западная Беларусь и Западная Украина, Бессарабия. Во-вторых, развивалось народное хозяйство, следовательно, росло количество потенциальных объектов эвакуации. К слову, имевшиеся ранее ограничения на развитие индустрии в приграничных регионах были сняты. Перед войной в Минске, в 300 км от границы, строился важнейший объект оборонной промышленности – авиазавод № 453, предназначавшийся для выпуска 3 тыс. штурмовиков Ил-2 ежегодно [13, с. 15; 14, с. 345; 15, с. 98]. Даже в самом западном областном центре БССР, приграничном Белостоке, в 1940–1941 гг. развернулось масштабное промышленное строительство. С весны 1940 г. здесь велось сооружение крупной хлопчатобумажной фабрики, мощность только первой очереди которой должна была составить 6000 веретён [16, л. 2, 7]. А в декабре того же года ЦК ВКП(б) и СНК СССР постановили создать в Белостоке станкостроительный завод союзного значения, на строительство и оснащение первой очереди которого в 1941 г. отпускалось 2,5 млн руб. [17, л. 1–3]. Снятие ограничений на индустриальное развитие западных приграничных регионов подтверждает предположение о том, что разработка для них эвакуационных планов уже не представляла советскому руководству необходимой. Вместе с тем накопленный в 1926–1937 гг. опыт эвакуационного планирования оказался востребованным и полезным при осуществлении соответствующих мероприятий в начальный период Великой Отечественной войны.

Список использованной литературы

- Олехнович, Г.И. Трудящиеся Белоруссии – фронту / Г.И. Олехнович. – Минск : Изд-во БГУ, 1972. – 208 с.
- Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд 4п. – Оп. 33а. – Д. 218.
- Сугако, Л.А. К вопросу о формировании советской эвакуационной программы в 1941 году / Л.А. Сугако // 1941 год в истории Белару-

- си: к 70-летию начала Великой Отечественной войны : сб. статей Респ. воен.-ист. конф., Минск, 1 июня 2011 г. / Воен. акад. Респ. Беларусь ; редкол.: А.А. Киселёв [и др.]. – Минск, 2012. – С. 33–39.
- Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Фонд р-6822. – Оп. 1. – Д. 187.
- ГАРФ. – Фонд р-6822. – Оп. 1. – Д. 190.
- Мелия, А.А. Мобилизационная подготовка народного хозяйства СССР / А.А. Мелия // Военная литература. Исследования [Электронный ресурс]. – Режим доступа : http://militera.lib.ru/research/melia_aa/index.html – Дата доступа : 4.09.2019.
- Тимохович, И.В. Битва за Белоруссию: 1941–1944 / И.В. Тимохович. – Минск : Беларусь, 1994. – 254 с.
- Куманёв, Г.А. Война и эвакуация в СССР. 1941–1942 годы / Г.А. Куманёв // Новая и новейшая история. – 2006. – № 6. – С. 7–27.
- Беларусь в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 / А.А. Коваленя [и др.] ; под ред. А.А. Ковалени. – Минск : БЕЛТА, 2005. – 544 с.
- Пономаренко, П.К. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков. 1941–1944 / П.К. Пономаренко. – М. : Наука, 1986. – 438 с.
- Мельтюхов, М.И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941 гг. (Документы, факты, суждения) / М.И. Мельтюхов. – 2-е изд. – М. : Вече, 2002. – 544 с.
- Мунчаев, Ш.М. Эвакуация населения в годы Великой Отечественной войны / Ш.М. Мунчаев // История СССР. – 1975. – № 3. – С. 133–141.
- Воронкова, И.Ю. Двадцать второго июня, ровно в четыре часа... Минск и минчане в первые дни Великой Отечественной войны / И.Ю. Воронкова. – Минск : Беларуская навука, 2011. – 265 с.
- Паваліхіна, В.С. Мінск / В.С. Паваліхіна // Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945 : энцыкл. / гал. рэд. І.П. Шамякін. – Мінск, 1990. – С. 344–346.
- Шапиро, В.Л. Завод, который умеет делать всё / В.Л. Шапиро. – Минск : ИнтерДайджест, 1997. – 384 с.
- Государственный архив общественных объединений Гродненской области (далее – ГАООГРО). – Фонд 6195. – Оп. 1. – Д. 536.
- ГАООГРО. – Фонд 6195. – Оп. 1. – Д. 567.

УДК 94(76) «1919»

СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ И НАУЧНО-КУЛЬТУРНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ МОГИЛЁВЩИНЫ В 1919 г.

Уваров Игорь Юрьевич

кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных и правовых дисциплин
Гомельского государственного технического университета
имени П. О. Сухого (г. Гомель, Беларусь)

В работе представлена информация о деятельности первых советских сотрудников учреждений культуры, действия которых были направлены на сохранение и сбережение памятников искусства и старины в 1919 г.

Как свидетельствуют архивные источники, при Могилёвском Губернском отделе народного образования (при его нешкольном подотделе) с 1 января 1919 г. была сформирована секция по делам музеев, архивов и охране памятников искусства и старины. Личный состав этой секции был представлен двумя сотрудниками – это заведующий и делопроизводитель (фамилии их в документе не указаны). В то же время отделом народного образования г. Могилёва было вынесено предложение организовать такие же секции при волостных отделах, где по строго установленному плану необходимо было наладить работу по регистрации и учёту всех культурных ценностей на местах. Всё это было обусловлено необходимостью спасти и сохранить культурно-историческое наследие Могилёвщины в сложный период после революционных потрясений и начала гражданской войны в России.

О состоянии дел Могилёвского Губернского подотдела, осуществляющего контроль и охрану памятников искусства и старины, видно из отчёта этой организации за 1919 г. Содержание этого источника сообщает следующее: «Октябрьская социалистическая Революция в основу своей творческой работы положила создание новой пролетарской культуры». Объяснялось это тем, что создать новую эпоху в истории мировой культуры

возможно только на основании великих завоеваний человеческого духа во всех областях науки и произведений искусства. «Поэтому Народное Правительство с первых шагов своего созидательно-творческой работы национализировало в пределах Советской России все культурные ценности, имевшие научно-историческое или духовное значение».

Первая в Советской России регистрация и принятие на учёт произведений искусства и памятников старины была осуществлена на основании особого Декрета Совета Народных Комиссаров 5 октября 1918 г. После этого постановления при всех Губернских отделах народного образования в срочном порядке были сформированы особые подотделы по делам музеев и охраны памятников искусства и страны. В сферу деятельности этих подотделов входило следующее: принять все меры по охране произведений искусства и памятников старины, их регистрация и принятие на учёт, а также реорганизация старых музеев и музейных фондов с целью создания новых, основанных на социалистических началах.

В январе 1919 г. сотрудники секции были заняты организационной работой, которая была осложнена последствием немецкой оккупации и налаживанием мирной жизни [1, л. 38, 38об.]. Но, несмотря на все трудности, в январе сотрудники секции составили и разослали на места инструкции, анкеты, формы и планы, на основании которых следовало производиться в делепроизводстве по выявлению и охране произведений искусства и памятников старины. В феврале 1919 г. секция была преобразована в самостоятельный подотдел, выделилась секция по делам архивов. Кроме имеющих двух сотрудников – заведующего и делопроизводителя – на работу были приняты еще два человека – архивист и агент для поручений. Таким образом, был создан работоспособный коллектив, предусмотренный постановлением наркомпроса об организации губернских подотделов по делам музеев и охраны памятников искусства и старины. Политическим руководителем данного коллектива был назначен заведующий Губернским отделом народного образования г. Могилёва И.А. Сербов.

В своей культурно-просветительной деятельности подотдел руководствовался статьёй 1(г) вышеозначенного постановления, а это значит, развивать свою работу по трём следующим направлениям: 1) предпринимать революционные меры к выявлению и сохранению культурных ценностей на местах; 2) собрание выявленных ценностей использовать в качестве лабораторного материала и с его помощью развивать наше трудовое просвещение в школе и вне школ; 3) показать революционному пролетариату богатство и значение наших культурных ценностей и развивать у него эстетический вкус и любовь к прекрасному.

К культурным ценностям Могилёвщины в 1919 г. можно отнести разбросанные по всему Поднепровью древние селища и городища, курганы и могильники; старинные волоки и торговые пути, корчмы и здания таможенных застав ещё со времён вхождения белорусских земель в состав Речи Посполитой. Всё это представляло огромный интерес для исследователей по истории и археологии. К 1919 г. на Могилёвщине ещё сохранилось большое количество старинных церквей и костёлов, построенных из камня и дерева в XV–XVII вв. В сохранившихся храмах было много церковной утвари (иконография, шитьё и предметы литейного производства). Ценные с точки зрения палеографии редкие рукописные и старопечатные книги. При всей крайней пестроте населения Могилёвщина была богата своей этнографией, народным фольклором и вообще произведениями народного творчества. В богатых имениях бывших панских усадеб и в домах крупнейшей буржуазии были собраны ценные библиотеки и предметы искусства – живописи, скульптуры, дорого шитья, резьбы по дереву, фарфора, бронзы и прочих предметов, представляющих интерес как раритеты музейного хранения [1, л. 39].

О состоянии культурных ценностей Могилёвщины можно судить по отчётам и обследованиям памятников искусства и старины, проведённым представителями советской власти. По их утверждению, монументальные памятники из дерева и камня уцелели и находились в надлежащей сохранности. Однако некоторые стильные помещения знати подверглись разрушениям в период «вскипания народного гнева» в 1917 г. В периоды погромов «помещичьих гнёзд» пострадали бога-

тые библиотеки, старинные архивы, картинные галереи, художественно-исторические коллекции, дорогая старинная обстановка и прочее имеющее музейную и культурную ценность. Значительная часть всего этого была уничтожена, а часть увезена их владельцами, которые превратились в беженцев, часть разошлась по рукам разных погромщиков и спекулянтов. В этом безумном уничтожении и расхищении культурных ценностей принимали участие не только отдельные лица, но и различные государственные организации – российские, польские и немецкие [1, л. 39]. Так, например, с благословения Могилёвского архиепископа немецкие оккупационные власти изъяли и увезли свыше 500 лучших предметов из епархиального церковно-исторического музея. Городские власти сгрузили в сырой подвал единственный в губернии музей, в котором ранее хранились богатейшие историко-археологические и этнографические коллекции, причём большая часть самого музея расхищена. По распоряжению Могилёвской губернской чрезвычайной комиссии, с целью обеспечить её помещением, была выброшена на улицу богатейшая и редчайшая в России Семинарская библиотека, причём значительная часть её безвозвратно погибла. То же самое было сделано и со старинным семинарским и консисторским архивами. Губвоенком частично уничтожил большой архив бывшей Ставки Верховного Главнокомандующего русскими вооружёнными силами, который сформировался за годы Первой мировой войны. Как было отмечено в документах, «по распоряжению Могилёвского Губсовпархоза старинные архивы в губернии были свезены на писчебумажные мельницы для выработки картона и обёрточной бумаги». Были случаи, когда отдельные представители новой власти в Могилёве присвоили себе лучшие в городе произведения живописи и ткани [1, л. 39]. Секретарь Могилёвского военкома скрыл у себя на квартире драгоценную фарфоровую вазу. А в доме № 15 по бывшей Садовой улице в Могилёве сотрудники советского учреждения топили печи дорогими книгами и картинами, свезёнными туда на хранение окрестными помещиками. С другого склада расхищению подверглись старинная посуда, чайные приборы и дорогой «саксонский» фарфор.

В такой ситуации работникам подотдела по охране памятников прошлого приходилось действовать хотя и осторожно, но в то же время предпринимать самые решительные революционные меры по охране этого достояния в губернии. Так, например, через местную прессу для информирования населения были опубликованы постановления и распоряжения советского правительства по охране культурного наследия прошлого. Для популяризации этой информации в центры уездов рассылались соответствующие циркуляры, инструкции, воззвания, плакаты и прочее.

Собираемое сотрудниками подотдела культурное имущество поступало под строгий учёт в здании Кальнина, на Малой Садовой улице в Могилёве. Уже в марте 1919 г. в этом особняке был открыт центральный музейный фонд и оформлена при нём выставка произведений культуры и искусства Могилёвщины. Для проведения научной работы при Подотделе был организован учёный совет из представителей местных работников науки и художников, которые развернули свою деятельность в специальных кабинетах и лабораториях при музейном фонде. Следует отметить, что сотрудниками могилёвского центрального фонда была проделана масштабная работа, о чём свидетельствуют архивные документы. Собрано, систематизировано и каталогизировано до 80 000 томов книг, брошюр, журналов и рукописей самого разнообразного содержания, на разных языках – русском, польском, литовском, еврейском, английском, немецком, французском, итальянском, арабском, латинском и греческом. Среди этих книг находились весьма редкие экземпляры как по своему научному содержанию, так и по времени и месту издания. Было выявлено свыше ста наименований различных палеографических текстов, среди которых имелись несколько актов, написанных на пергаменте в конце XV – начале XVI в. Среди обилия рукописей и книг была обнаружена переписка царя Николая II и членов его семьи с рядом приближённых к государю лиц. Время их написания – с 1 августа 1915 г. по 1 марта 1917 г. Всего около двух тысяч телеграмм «большого политического анализа» [1, л. 40об.]. Были собраны памятники нумизматики, монеты оригинальной чеканки, изготовленные

на древнегреческих, арабских, русских, польских, литовских и западноевропейских монетных дворах. Собраны предметы геральдического искусства (медали, знаки отличия офицеров и солдат разных армий мира). Оборудованы три витрины по археологии, где выставлены предметы курганных раскопок. Отдельной выставкой были представлены древнеславянские орудия труда из металла, глины, миниатюры, старинные граюры и прочие предметы художественного искусства. Среди картин имелись «три произведения кисти великого художника Боровиковского и две картины художника Лампи», все эти произведения были обнаружены на чердаке бывшей городской ратуши в Могилёве. Достоянием музейного хранения стали несколько предметов стильной мебели из гарнитуров домашней обстановки, имеющей отношение к различным историческим эпохам. Кроме всех этих находок представители новой власти выявили и взяли на учёт все архивы бывших государственных и общественных учреждений и частных лиц [1, л. 40об.].

В завершение следует отметить, что органы советской власти стремились популяризировать культурные ценности с целью развить у народа любовь к своей истории и культуре. Подотдел принял на себя роль распределения этих ценностей между культурно-просветительными учреждениями. Поэтому все предметы, поступающие в музейный фонд на основании проведённой экспертизы (если было установлено, что они не имеют научно-исторического и художественного значения), направлялись в детские сады, колонии, школы, театры, клубы, студии, народные дома и другие культурно-просветительные учреждения. Таким образом, было распределено много мебели и предметов домашней обстановки из бронзы, фарфора, стекла, ткани, картин, книг и разных учебных пособий. Положительные результаты этих действий сказались очень быстро. С началом популяризации предметов истории и культуры красноармейцы, рабочие и крестьяне стали относиться к ним весьма бережно, даже были отмечены случаи, когда красноармейцы и рабочие принимали меры по охране произведений искусства и памятников старины.

Список использованной литературы

1. Государственный архив Гомельской области. Фонд 60. Оп. 1. Д. 1822. Отчёт о состоянии подотдела по делам музеев охраны памятников искусства и старины за 1919 год, смета на содержание подотдела.

УДК 94 (476)

ЭСЕРО-МЕНЬШЕВИСТКОЕ БОЛЬШИНСТВО В СОВЕТАХ ДЕПУТАТОВ БЕЛАРУСИ И ЗАПАДНОГО ФРОНТА (МАРТ – ИЮНЬ 1917 г.)

Шардыко Игорь Владимирович

доцент кафедры истории Беларуси и восточных славян
Могилевского государственного университета
имени А. А. Кулешова, кандидат исторических наук, доцент
(г. Могилев, Беларусь)

Анализируются взаимоотношения эсеров и меньшевиков со своими главными политическими оппонентами – большевиками в борьбе за влияние на Советы депутатов различных уровней Беларуси и Западного фронта в марте – июне 1917 г. Делается вывод, что в целом Советы Беларуси по своему партийному составу и характеру деятельности летом 1917 г. оставались эсеро-меньшевицкими.

Анализ политической обстановки в Беларуси после Февраля 1917 г. свидетельствует, что наиболее крепкие позиции в деревне имела в этот период партия эсеров. По нашим расчетам, к середине 1917 г. в Беларуси существовало около 30 эсеровских организаций численностью около 35 тысяч человек. Они активно действовали в Минске, Витебске, Могилеве, Гомеле, Бобруйске, Орше, Невеле, Замирье, Быхове, местечке Ветка и в других городах и местечках [1, л. 1-7; 2, л. 6, л. 46].

Опираясь на свои партийные организации на местах, эсеры в марте-июне 1917 г. преобладали в большинстве Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Беларуси и Западного фронта. Под их влиянием находились Горецкий, Сенненский, Мстиславский, Чаусский, Чериковский, Быховский,

Климовичский, Толочинский, Крупский, Жлобинский, Дубровинский и другие Советы [3, с. 166]. Относительно прочные позиции в Советах Витебска, Гомеля, Минска, Могилева, Полоцка, Дриссы, Слуцка занимали в этот период времени меньшевики [4, с. 2; 5, с. 3].

Эсеры, а вслед за ними меньшевики, отводили Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов роль органов «контроля» за деятельностью правительства и его учреждений на местах. Таким способом они пытались заставить буржуазное правительство выполнить требования масс. Об этом, например, заявила эсеровская делегация представителей Западного фронта на Всероссийском Совещании Советов, состоявшемся в конце марта – начале апреля 1917 г. в Петрограде [3, с. 166]. Эсеры и меньшевики рассматривали Советы в качестве одного из рычагов буржуазного парламентаризма. Им отводилась важнейшая роль в осуществлении социально-экономических мероприятий на местах.

Формирующиеся в Беларуси и на Западном фронте эсеровские и меньшевистские организации выразили сразу же доверие Временному правительству. Так, например, 15 марта 1917 г. об этом заявила Минская группа эсеров. Гомельские эсеры, положительно оценивая факт передачи власти Петроградским Советом Временному правительству, заявили, что «это было сделано не по ошибке, а совершенно сознательно», ибо «для успешного управления государством требуется известное равновесие между различными классами» [4, с. 1; 5, с. 2]. Эсеры и меньшевики искренне верили, что Временное правительство способно сыграть роль катализатора всех политических сил общества.

Эсеры убеждали крестьянские массы в том, что Февральская революция уже открывает постепенное преобразование капиталистического общества в социалистическое «по пути социальных реформ». Совокупность таких реформ эсеровские лидеры называли собирательным (интегральным) социализмом. Подготовительной его стадией они считали проведение социализации земли, которая «заблаговременно», по их мнению, должна была «вывести из строя» частную собственность на землю. Однако на деле сразу после Февральской революции партия эсеров отказалась от борьбы за революционное осуществление своей аграрной программы. Вступив на путь компромисса с правящими кругами, эсеры стояли за решение земельной проблемы путем правительственной реформы, на основе законов Учредительного собрания. Таким образом, они пытались ограничить радикальные крестьянские действия по захвату помещичьих земель и направить решение аграрного вопроса в конституционное русло.

Апрельский кризис и создание коалиционного правительства практически закрепили и оформили переход эсеров с платформы революционного демократизма к коалиции с кадетами. III съезд партии эсеров одобрил коалицию, провозгласив ее официальной политикой партии. За данное решение проголосовало 13 эсеровских делегатов от Беларуси и Западного фронта [6, с. 501–502].

Эсеро-меньшевицкое большинство Советов Беларуси поддержало эту политику. Выразив доверие новому правительству, Советы приветствовали Чернова на посту министра земледелия «как защитника интересов крестьянских масс». Такие решения вынесли Витебский Совет рабочих и солдатских депутатов, а также крестьянские съезды Гомельского и Витебского уездов, съезд солдат 10-й армии Западного фронта [7, л. 4; 8, с. 2; 9, с. 3].

Поддержка крестьянскими съездами и Советами различных уровней коалиционного правительства свидетельствовала, что крестьянство по-прежнему доверяет эсерам. Подтверждением этого служил и тот факт, что в марте-апреле 1917 г. крестьянство Беларуси относительно мирно ожидало от правительства удовлетворения своих вековых чаяний о земле: в марте было отмечено 5, а в апреле 15 выступлений крестьян против помещиков [10, с. 364–367]. Аграрное движение в Беларуси хотя в отдельных местах и приобретало обостренный характер, контролировалось еще эсерами.

Однако нетерпение крестьян с каждым днем нарастало. Май ознаменовался резким подъемом крестьянского движения. В течение месяца в Беларуси было учтено более 35 слу-